

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ.

(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Оннорé, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра, нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ).

Русская опера.

Нрежде чѣмъ приступить къ описанію скорбнаго пути, по которому пришлось пройти въ продолженіе почти всего времени моего служенія на Императорской московской сценѣ, въ русской оперѣ, прослуживъ предварительно четыре года, на той же сценѣ въ итальянской, тогда еще Императорской оперѣ, — хочу, прежде чѣмъ коснуться этихъ весьма тяжелыхъ воспоминаній, обратиться къ молодымъ современнымъ пѣвцамъ, служащимъ теперь на Императорскихъ сценахъ. Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ нихъ придется прочесть эти записки, а потому, пожелавъ имъ отъ души полного успѣха, предлагаю вспомнить имя Императора Александра III съ благоговѣніемъ и живѣйшей благодарностью. Ему, только ему, обязаны русскіе артисты тѣмъ блестящимъ положеніемъ, которое они занимаютъ теперь. Онъ, возвысивъ русскихъ пѣвцовъ, возвысилъ русское искусство. До него русскій пѣвецъ, по закону, не могъ получать болѣе 1.140 р. жалованія въ годъ и долженъ былъ пѣть 22 года на казенной сценѣ, чтобы получать, въ размѣрѣ этого жалованія, пожизненную пенсію! — спрашивается: много ли пѣвцовъ выдерживало столь долгій срокъ. Русскіе артисты пѣли за границей. Современникъ знаменитаго тенора Рубини, признанный этимъ по-

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ.

(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Оннорé, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра, нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ).

Русская опера.

Нрежде чѣмъ приступить къ описанію скорбнаго пути, по которому пришлось пройти въ продолженіе почти всего времени моего служенія на Императорской московской сценѣ, въ русской оперѣ, прослуживъ предварительно четыре года, на той же сценѣ въ итальянской, тогда еще Императорской оперѣ, — хочу, прежде чѣмъ коснуться этихъ весьма тяжелыхъ воспоминаній, обратиться къ молодымъ современнымъ пѣвцамъ, служащимъ теперь на Императорскихъ сценахъ. Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ нихъ придется прочесть эти записки, а потому, пожелавъ имъ отъ души полного успѣха, предлагаю вспомнить имя Императора Александра III съ благоговѣніемъ и живѣйшей благодарностью. Ему, только ему, обязаны русскіе артисты тѣмъ блестящимъ положеніемъ, которое они занимаютъ теперь. Онъ, возвысивъ русскихъ пѣвцовъ, возвысилъ русское искусство. До него русскій пѣвецъ, по закону, не могъ получать болѣе 1.140 р. жалованія въ годъ и долженъ былъ пѣть 22 года на казенной сценѣ, чтобы получать, въ размѣрѣ этого жалованія, пожизненную пенсію! — спрашивается: много ли пѣвцовъ выдерживало столь долгій срокъ. Русскіе артисты пѣли за границей. Современникъ знаменитаго тенора Рубини, признанный этимъ по-

слѣднимъ своимъ соперникомъ, не менѣе знаменитый теноръ Ивановъ, пожелавъ вернуться на родину, предложилъ дирекціи свои услуги. Даже для этого русскаго „Орфея“ не согласились сдѣлать исключенія: ему было предложено жалованіе „des indigènes“ тѣ же 1.140 р. Тогда Ивановъ принялъ итальянское подданство, пѣлъ очень долго въ Италіи всегда съ громаднымъ успѣхомъ и оставилъ послѣ себя большое состояніе и блестящее имя. Императоръ Александръ III сразу все это измѣнилъ; приказалъ уничтожить Императорскую итальянскую оперу, осталась такимъ образомъ Императорскою только одна русская. Обаяніе итальянцевъ умалилось, ихъ опера продолжала существовать какъ частное предпріятіе. Импрессаріи, не получая казенной матеріальной поддержки, не могли приглашать болѣе 2—3 первоклассныхъ пѣвцовъ, остальные были посредственности; сборы были часто плохіе, и антрепренеры одинъ за другимъ прогорали.

Было приказано приглашать русскихъ артистовъ на такіе же оклады, какъ приглашались иностранные. Первый, которому пришлось пользоваться новыми вѣяніями, былъ Н. Н. Фигнеръ. Должно отдать ему полную справедливость, признавая его достойнымъ этого счастья. Хотя принято говорить, что его вокальныя средства были не велики—это несправедливо. Онъ имѣлъ громадный талантъ; соединялъ въ себѣ все, что дѣлаетъ большого артиста. Въ нѣкоторыхъ роляхъ въ „Отелло“ Верди, наиримѣръ, въ „Африканкѣ“, ничего лучшаго желать было невозможно. Всякое движеніе было преисполнено изящества, всякій оттѣнокъ чувства передавался имъ съ необыкновенной прелестью. Въ аріи „Дубровскаго“ онъ стоялъ почти неподвижно, съ удивительнымъ спокойствіемъ и производилъ громадное впечатлѣніе именно своимъ пѣніемъ.

Въ „Африканкѣ“, когда въ волшебныхъ чертогахъ „Зелики“ его окружали танцовщицы, сколько было мѣры и изящества въ его обращеніи съ ними. Въ „Отелло“ при первомъ порывѣ ревности и отчаянія, сидя почти въ глубинѣ сцены, откинувшись на спинку стула, онъ дѣлалъ движенія головой, которыя выражали всю скорбь, всю боль его истерзанной души.

Словомъ, онъ былъ неподражаемъ и остался, до сихъ поръ, первымъ лучшимъ драматическимъ русскимъ пѣвцомъ и артистомъ.

И такъ, въ Москвѣ итальянская опера закрылась, къ неописанному огорченію всего высшаго общества. Въ эти четыре года оно привыкло проводить вечера въ театрѣ; было чѣмъ развлекаться; слушать музыку, увлекаться любимыми артистами, показывать свои туалеты; все это исчезло—уныніе было полное. Русская же опера продолжала функционировать въ томъ же разношерстномъ составѣ

чеховъ, евреевъ, нѣмцевъ; русскихъ пѣвцовъ почти не было; и это въ первопрестольной, бѣлокаменной Москвѣ. Общество эту оперу не посѣщало.

Въ Петербургѣ итальянская опера оставалась долго еще на прежнихъ правахъ со своимъ титулованнымъ директоромъ. Однако, закрывшаяся опера въ Москвѣ легла бѣльмомъ на эту дирекцію. Какъ же такъ? Въ Москвѣ была превосходная итальянская опера, съ первоклассными артистами на первыя и очень хорошими на вторыя роли, и она стоила въ 10 разъ меньше Петербургской. Тогда стало замѣтно, что вновь приглашаемымъ артистамъ предлагали окладъ гораздо скромнѣе прежнихъ, блескъ прежній сталъ тускнѣть и, когда прислали въ Москву 3 лучшихъ пѣвцовъ, для исполненія „Стабать-Матерь“ Россини, примадонна, г-жа Перелли, оказалась просто-таки плохой.

Долго не назначали управляющаго Московской театральной конторой. Графъ Боргъ, страшно недовольный отставкой своего избранника г. Л., ожидалъ новаго назначенія съ предвзятой мыслью, преслѣдовать безпощадно, кого бы ни назначили. Козломъ отпущенія явился г. Неклюдовъ; человекъ воспитанный, корректный, но немѣющийся даже отдаленнаго представленія о трудномъ, сложномъ дѣлѣ театра. Музыки онъ тоже не зналъ; полагаю, что и какъ администраторъ онъ пользы принести не могъ, развѣ только въ томъ, что не злоупотреблялъ ввѣреннымъ ему дѣломъ, для своихъ личныхъ выгодъ. Значеніе, власть его, свелись на нѣтъ; было сдѣлано распоряженіе, что при расходѣ, превышающемъ 100 р., Московская дирекція обязана была сноситься съ Петербургской конторой. Впрочемъ, что бы г. Неклюдовъ ни предлагалъ, о чемъ бы ни ходатайствовалъ, на все получался рѣзкій отказъ.

Трудно было бы описать то удрученное, состояніе въ которомъ я находилась по возвращеніи изъ Лондона въ Москву. Безъ любимаго дѣла, на которое было положено столько времени и труда и возложено столько надеждъ, мнѣ не предвидѣлось даже возможности принять приглашеніе, если бы таковое и представилось, а поступать въ настоящую русскую оперу, перемѣнить карьеру итальянской пѣвицы на русскую, никогда въ мои планы не входило. Въ это время занятія по преподаванію оказали на меня благотворное вліяніе. Самыя лучшія ученицы мои въ Москвѣ относятся къ этой эпохѣ; княжна Н. А. Мещерская, по мужу де-Витте, Е. В. Васильчикова, В. А. Арапова, гг. Савельева, Лагорію и др. были блестящими пѣвицами. Въ концѣ этого года (1866) былъ направленъ въ Москву, отиѣвшій въ Петербургѣ теноръ Сѣтовъ. Въ свое время

онъ имѣлъ небольшой симпатичный голосъ и обладалъ необыкновенно красивой наружностью.

Онъ былъ женатъ на знаменитой наѣздницѣ Пальмирѣ, сестрѣ жены Николини, 2-го мужа Патти. Пальмира имѣла въ Лондонѣ и Петербургѣ колоссальный успѣхъ;—надо полагать, что ея вліяніе не мало помогало молодому пѣвцу такъ долго удержаться на сценѣ, даже послѣ потери голоса. Дирекція его послала въ Москву, въ качествѣ главнаго режиссера; ему было поручено сформировать труппу. Въ Петербургѣ его смѣнилъ Комиссаржевскій. Сѣтовъ былъ человекъ большого ума; имѣлъ необыкновенный сценическій талантъ; самъ игралъ превосходно, а потому мало кто могъ указать начинающимъ артистамъ, какъ понять и передать роль, какъ загримироваться, какой выбрать костюмъ, какъ ходить и поворачиваться на сценѣ. Конечно, въ любомъ театрѣ онъ могъ быть профессоромъ своего искусства. Помню общій восторгъ, который онъ вызвалъ, показывая, довольно таки неповоротливому басу Демидову, какъ симулировать страхъ Фарлафа передъ свиданіемъ съ Нанной, а его гримъ въ роли Мазепы представлялъ великолѣпнѣйшую картину. При выходѣ на сцену въ роли Мазепы, онъ вызвалъ взрывъ аплодисментовъ.

Имѣя всѣ эти данныя, онъ могъ бы быть неоцѣненнымъ приобрѣтеніемъ для молодого театра. Но у него былъ невозможный характеръ. Перессорить артистовъ было для него первымъ удовольствіемъ, и это безъ всякой серьезной цѣли,—такъ изъ любви къ интригѣ и конечно при случаѣ, всегда, готовъ былъ заварить и серьезную кашу. Въ Петербургѣ это отлично знали и послать его въ Москву было предлогомъ избавиться отъ него въ Петербургѣ.

До его появленія, главнымъ режиссеромъ былъ Савицкій, который такимъ образомъ очутился помощникомъ Сѣтова, такъ что этотъ послѣдній нашелъ въ Москвѣ въ лицѣ Савицкаго заклятаго врага. Сѣтову было дано право выступать въ теноровыхъ партіяхъ, по своему усмотрѣнію, когда это будетъ ему удобно, и вотъ когда разъ ему вадумалось выступить, не помню въ какой роли, передъ московской публикой, зрители, занимая мѣста въ театрѣ, находили печатанное объявленіе слѣдующаго содержанія:

„Г. Сѣтовъ потерялъ голосъ, предлагаетъ 25 р. вознагражденія тому, кто его возвратитъ“. Не трудно было догадаться, кто былъ авторомъ этой афиши. Въ ноябрѣ прислали изъ Петербурга пѣвицу, ея превосходительство Александру Доримедонтовну Кочетову, бывшую, нѣкоторое время, пѣвицей при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Она тогда уже была не молода, но имѣла несомнѣнныя заслуги какъ пѣвица. Превосходная музыкантша, она довела свое

пѣніе до совершенства; необыкновенная чистота интонаціи, точность, ритмъ, увѣренность дѣлали изъ нея отличную партнершу въ ансамбляхъ. Кромѣ того она обладала величественной красотой. Всѣ эти данныя могли бы сдѣлать изъ нея первоклассную пѣвицу, ежели бы этому не мѣшали ея крупные недостатки. Голосъ ея не звучалъ, сухой тембръ, какъ бы выбивающійся—изъ-подъ покрывала, ни нравиться, ни увлекать не могъ. Въ роляхъ, гдѣ не требовалась игра, она была хороша, но въ драматическихъ моментахъ нельзя было разобрать, что она произносила; дикція была не ясная. Лучшія ея роли были Антонида и Людмила. Въ анданте аріи Антониды, она производила чарующее впечатлѣніе, которое уничтожалось аллегро, исполняемымъ безъ звука, энергіи и силы.

Послѣ ея дебюта явился лирической теноръ Раппопортъ; небольшой, пріятнаго тембра голосъ и его необыкновенная добросовѣстность дѣлали его желаннымъ пріобрѣтеніемъ. Главная его роль, Финъ въ „Русланѣ“, исполнялась имъ въ совершенствѣ; лучшаго исполненія этой партіи я не встрѣчала.

Было два баса: Демидовъ и Радонежскій, оба имѣли прекрасные голоса.—Не доставало драматическаго тенора. Контральтовые партіи исполнялись госпожою Ректъ, которая не могла никакъ усвоить себѣ, что нѣмецкое „b“, въ русскомъ алфавитѣ означаетъ „в“, это обстоятельство способствовало дружнымъ взрывамъ смѣха въ публикѣ; а голосъ ея былъ хорошій.

Въ концѣ ноября 1866 г., когда я начинала свыкаться съ своимъ положеніемъ и перестала, что называется, у моря ждать погоды, рѣшительно ничего не зная изъ вышеописанныхъ событій въ театрѣ—явился ко мнѣ, по порученію дирекціи, г. Сѣтовъ, съ предложеніемъ дебютировать въ текущемъ сезонѣ, въ роли Вани въ оп.: „Жизнь за Царя“. У меня русскаго репертуара не было, и я никогда не думала перемѣнить карьеру итальянской пѣвицы на русскую.

Предложеніе это мнѣ показалось непріемлемымъ. Предполагалось въ этомъ же сезонѣ дать Русалку, Руслана, Мазепу, на что требовалось бы много труда и времени. Сѣтовъ началъ уговаривать, предсказывалъ огромный успѣхъ, выгодныя условія, долгосрочный контрактъ; былъ краснорѣчивъ и увлекателенъ, склонилъ меня на то, чтобы я согласилась ознакомиться съ партіей Вани и, въ скорѣйшемъ времени, дать ему окончательный отвѣтъ.

Для ознакомленія съ партіей, потребовалось нѣсколько дней, по истеченіи которыхъ я убѣдилась, что партія для меня слишкомъ низка, тѣмъ болѣе, что въ итальянской оперѣ партія моего репертуара были чисто меццо-сопрановыя; такія роли, какъ Фидесъ въ „Пророкъ“, Азучена въ „Трубадурѣ“, Фаворитка, развили мой верх-

ній регистръ и сдѣлали мой репертуаръ и мой голосъ гораздо выше, чѣмъ требовалось для очень низкой партіи Вани. По-моему въ дуэтѣ съ басомъ „ты меня на Руси“ голосъ не достаточно звучалъ, а потому очень любезнымъ письмомъ къ г. Сѣтову, я сообщила, что при всемъ желаніи поступить на русскую сцену, я не чувствую себя способной преодолѣть тѣ затрудненія, которыя встрѣтила въ данной партіи, а потому я должна себя лишитъ чести поступленія въ русскую оперу, т. к. на полный успѣхъ рассчитывать не могу. На всѣхъ парусахъ пріѣхали ко мнѣ, по прочтеніи моего отказа, г.г. Неклюдовъ, Бечичевъ, Пельтъ и Сѣтовъ просить меня принять предложеніе петербургской и московской дирекцій, хотя бы попробовать спѣть партію на репетиціи:—этому противиться я не могла созвали репетицію въ фойѣ, были приглашены всѣ оперные артисты; конечно, явилось все начальство и къ моему большому удовольствію, много артистовъ Малаго театра, пожелавшихъ присутствовать на испытаніи.

Репетиція эта, или скорѣе проба, была сплошной оваціей; хорошо, худо, все сходило, и я до сихъ поръ съ увѣренностью не могу сказать; пѣла ли я въ самомъ дѣлѣ такъ хорошо, или былъ это подстроенный успѣхъ, чтобы получить мое согласіе на дебютъ.— 4 января 1866 года я дебютировала въ роли Вани. Описать подробно этотъ спектакль я не берусь; пусть тѣ немногіе, которые помнятъ, скажутъ чѣмъ были мои дебюты для русской оперы и для московской сцены.

Театръ былъ буквально переполненъ; тогда допускалось неограниченное число лицъ въ ложи; сколько бы ни входило человѣкъ, пускали всѣхъ. Помню, какъ сейчасъ, ту сплошную стѣну головъ, съ ихъ черными, бѣлокурыми, рыжими шевелюрами, выкрикивающихъ, что есть силы, мою звучную, благодаря тремъ гласнымъ буквамъ, фамилію. Вызывамъ не было конца. Растроганный г. Неклюдовъ привѣтствовалъ успѣхъ, не какъ начальникъ, а какъ человѣкъ сердечный, довольный необыкновенной удачей. Хористы окружали меня; артисты жали руки, а кто просто обнималъ; артисты Малаго театра поздравляли и видимо радовались; коллеги тоже казались довольными; одна госпожа Александрова (Кочетова) очень сдержанно поздравила, а публика неистово кричала и вызывала. Ложи бель-этажа и бенуара были полны очень нарядной публикой; многія изъ дамъ признавались послѣ, что слышали оп. „Жизнь за Царя“ въ первый разъ.—Госпожа Шиловская, рожденная Вердеровская, ученица и другъ покойнаго Глинки, пріѣхавъ домой послѣ спектакля, сняла портретъ незабвеннаго, великаго композитора, поцѣловала его и сказала: „пусть прахъ твой радуется съ нами“.

Послѣ моего концерта, даннаго въ 1908 г. 6-го марта здѣсь, въ Петербургѣ, очень благосклонный рецензентъ написалъ: г-жа Оннорé, обрусѣлая полька, была замужемъ за французомъ и училась у итальянца... Этотъ отзывъ меня очень обрадовалъ, а окончательное мое обрусѣніе отношу къ вечеру 4-го января 1866 года.

Я почувствовала такой приливъ любви ко всему русскому, что сердце мое радовалось, что я спасала любимаго Царя и чувствовала себя въ силахъ унести его далеко, гдѣ злоба людская и опасность угрожать ему не могли. Если бы въ прошломъ было только одно это воспоминаніе, то скажу, что стоило жить и страдать долгіе годы, чтобы имѣть всегда въ памяти пережитыя впечатлѣнія.

Очень скоро, однако, пришлось сойти съ этого Олимпа и очутиться въ самой скромной и не особенно лестной дѣйствительности. Дирекція предложила мнѣ пѣть, до заключенія контракта, за блестящій гонораръ 100 р. за представленіе. Душъ былъ нѣсколько охлаждающій. Владѣлецъ музыкальнаго магазина г. Грессеръ, когда стало извѣстно, на какихъ условіяхъ меня пригласила дирекція, сказалъ моему доктору: когда я подумаю, что мадамъ Оннорé поетъ за 100 р., мнѣ плакать хочется. Понадобился какой-то заблудившейся пѣвицѣ бенефисъ, т. к. она оставалась неудовлетворенной окончательнымъ расчетомъ съ дирекціей. Наскоро сретировали „Гугеноты“. Г-жа Бумеръ сдѣлала полный сборъ, но публика желала и ждала только „Жизнь за Царя“. Всякій разъ, когда опера была на афишѣ, у кассы можно было наблюдать то, что теперь въ Петербургѣ происходитъ при представленіяхъ московскаго художественнаго театра; стоимость билетовъ, покупавшихся обыкновенно барышниками, сильно возрастала, а къ спектаклю нельзя было ни за какія деньги получить мѣста. Богатѣли барышники, кассиры; оставались оскорбленными, нищими, только мы. Послѣ „Гугенотъ“ дали для бенефиса Сѣтова „Мазепу“ Фитингофа - Шель, „Марту“, которыя постоянно смѣнялись любимой оперой. Такимъ образомъ подошло 4-е апрѣля. Кто не видѣлъ того, что происходило тогда въ Москвѣ, не можетъ себѣ представить того настроенія какъ общества, такъ и уличной толпы. Москва была потрясена до основанія. Всѣмъ стало извѣстно только 5-го апрѣля избавленіе Царя отъ грозившей Ему опасности. Съ церковей раздавался немолкаемый трезвонъ. Народъ массами шелъ съ замоскворѣчія, съ Охотнаго ряда и съ заставъ.

Толпы встрѣчались, пѣли гимнъ, всѣ безъ шапокъ, весь день неистово кричали до поздней ночи. Въ театрѣ, на афишахъ стояло: 5-го апрѣля, вечеромъ „Жизнь за Царя“—6-го, утромъ „Жизнь за

Ирина Ивановна
Оннорé,
въ роли Вани, въ оперѣ „Жизнь за Царя“.

Ирина Ивановна
Оннорé,
въ роли Вани, въ оперѣ „Жизнь за Царя“.

Царя“ и т. д. впередъ на нѣсколько дней... У кассы происходили бурныя сцены. Начало спектакля назначали часомъ раньше обыкновеннаго. Передъ началомъ публика требовала гимнъ—повторяли безъ конца. Народъ наполнялъ и окружалъ соборы и церкви днемъ, а вечеромъ шелъ массажи къ театру. Представленіе по случаю безконечныхъ повтореній гимна затягивалось до поздней ночи. Возвращались домой въ 3 часа и позже. Былъ вечеръ, когда пѣли гимнъ 24 раза. Ходили самые разнорѣчивые слухи о національности преступника, называли упорно фамилію поляка Ольшевскаго, такъ что когда хористы выходили на сцену въ русскихъ костюмахъ, ихъ восторженно привѣтствовали, но когда тѣ же хористы являлись въ латахъ и крылатыхъ шлемахъ, ихъ прогоняли со свистомъ, визгомъ и ужаснымъ шиканіемъ въ кулисы, гдѣ торопливо снимались польскіе доспѣхи и на сцену снова являлись русскіе мужички, которыхъ заставляли повторять гимнъ безъ конца. Было сдѣлано распоряженіе не препятствовать манифестаціямъ, въ какихъ бы видахъ и размѣрахъ онѣ ни выражались. Такихъ представлений было дано очень много. Г-нъ Неклюдовъ, видя нашъ продолжительный и непосильный трудъ, ходатайствовалъ передъ петербургской дирекціей о назначеніи г-жѣ Александровой и мнѣ одного представленія оперы „Жизнь за Царя“ въ нашу пользу, въ видѣ награды за особенно утомительный и усердный трудъ. Графъ Бергъ въ отвѣтъ прислалъ рѣзкій отказъ.

Нахожу умѣстнымъ рассказать здѣсь фактъ, относящійся къ тѣмъ порядкамъ, которые велись тогда у насъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, т. е. не задолго до вышеописанныхъ событій, въ итальянскую петербургскую оперу была приглашена на роли драматическаго сопрано г-жа Галетти; она пользовалась нѣкоторой извѣстностью. По контракту она должна была получать 15.000 р. за сезонъ. Въ день дебюта въ оперѣ „Фаворитка“ она серьезно заболѣла; пѣла совершенно охрипшимъ голосомъ; арію пропустила, въ финалахъ молчала; призванный врачъ не только запретилъ ей пѣть въ текущемъ сезонѣ, но совѣтовалъ какъ можно скорѣй покинуть Петербургъ. Дирекція затруднялась, что дать пѣвицѣ за это единственное, неудачное представленіе?.. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, великодушно рѣшили выдать всю сумму сполна, т. е. 15.000 р. Сколько намъ надо было работать, чтобы получить подобную сумму? мнѣ напр. три съ половиной года, а нашимъ *indigen'амъ* 12 лѣтъ.

Передъ концомъ сезона дирекція мнѣ предложила подписать контрактъ на слѣдующихъ условіяхъ: 4.000 жалованія и полубенефисъ; плюсомъ оказались 30 р. поспектакльной платы. Контрактъ

заклучался на 4 года. Г-жа Александрова, дебютировавшая раньше меня, контракта не получала; она видимо волновалась. Когда стало извѣстно, что ея бумага была прислана и что она окончательно принята, я обрадовалась и тепло, искренно ее поздравила. Кивкомъ головы она поблагодарила и тихо съ разстановкой сказала: „je crois bien que pour Vous c'est un grand bonheur que je sois engagée“. Я не нашлась, что сказать, но возмущенная повернулась и ушла. Съ тѣхъ поръ наши отношенія никогда близкими не были и кончились полнымъ разрывомъ; скажу ниже по какому случаю.

Съ теченіемъ времени я стала свыкаться съ своимъ положеніемъ и понемногу стала забывать итальянскую оперу. Но итальянская опера меня не позабыла, такъ какъ въ это же время я получила приглашеніе пѣть лѣтомъ, того же 1866 г., въ Мадридѣ, въ театрѣ Россини, въ которомъ оперный сезонъ бываетъ лѣтомъ, какъ въ Лондонѣ. Дебюты въ „Трубадурѣ“ или въ „Фаустѣ“. Труппа: 1-е сопрано г-жа Барбо, имѣвшая въ Петербургѣ очень большой успѣхъ; по желанію Верди она замѣнила г-жу Лагруа, отказавшуюся, по болѣзни, отъ своей роли въ оп. „La forza dell destino“, „Сила судьбы“.

Фамилію колоратурной пѣвицы я не помню; драматическій теноръ Лефранъ; лирический Андреевъ; баритонъ Стеллеръ, басъ Виллетти, капельмейстеръ Виланези. Три послѣдніе мои коллеги по итальянской оперѣ въ Москвѣ.—По приѣздѣ г-жи Барбо выяснилось, что она требовала дебюта въ оп. Пачини Саффо, въ которой она очень нравилась въ Петербургѣ. Надо было разучить наскоро роль Климены, которую я еще не пѣла. — Сейчасъ назначили репетицію. Хористы, требовавшіе авансовъ, не получая ихъ, отказались пѣть, такъ что репетиція не состоялась; такимъ образомъ времени для разученія партіи оказалось много, потому что неурядица въ дирекціи продолжалась дней десять. — Роль Климены начинается съ чудной аріи, предшествуемой женскимъ хоромъ. Греческій костюмъ, бѣлый съ голубымъ, какъ нельзя лучше шелъ къ моимъ бирюзовымъ, украшеннымъ брилліантами и жемчугами ожерелью и діадемѣ. Принято въ Испаніи, что ежели публикѣ пѣвица нравится, и ей аплодируютъ, оркестръ и хоръ имѣютъ право то же аплодировать. Когда я спѣла первую арію, весь театръ, поддерживаемый оркестромъ и хоромъ, дружно и долго аплодировалъ! Послѣ перваго акта постучались въ уборную, прося позволенія войти. Импрессарио театра Барцелоны пришелъ выразить свое удовольствіе и поздравленіе, по поводу моего успѣха, а также предложить ангажементъ въ снятомъ имъ театрѣ. Я поблагодарила за довѣріе и сказала, что передъ

отъѣздомъ изъ Москвы я подписала контрактъ, связывающій меня на четыре года. Антрепренеръ настойчиво уговаривалъ согласиться на его условія и брался взять на себя неустойку.—Оперы предлагаемыя: Пророкъ, Фаворитка, Семирамида, Аида и пр.

Въ Москвѣ былъ баритонъ—Фараръ; онъ исполнялъ самыя незначительныя партіи. Никто изъ насъ не предполагалъ, что кромѣ этой весьма скромной дѣятельности, у него была очень серьезная миссія, увѣдомлять директора итальянской оперы въ Парижѣ о голосахъ, успѣхахъ и пригодности пѣвицъ для его театра. Во время спектакля 2-го представленія оп. Саффо, Фараръ принесъ мнѣ контрактъ „en blanc“ отъ имени Бажье, съ предложеніемъ принять ангажементъ въ Парижѣ, такъ какъ онъ слышалъ меня въ Лондонѣ, а теперь слышалъ о моемъ выдающемся успѣхѣ въ Мадридѣ.—Но это не все; театръ Скала прислалъ мнѣ своего агента съ подобными предложеніями.—Надо было отказаться отъ всего и покинуть окончательно и безвозвратно мечты объ итальянской карьерѣ.—Въ первомъ актѣ оп. Саффо былъ выходъ тенора Андреева; онъ пѣлъ въ 17-ти театрахъ въ Италіи, имѣлъ хорошій, молодой голосъ. Саффо онъ пѣлъ, какъ и я, первый разъ. Средняго роста, хорошо сложенъ, не дурень собой, онъ вполнѣ могъ, при своемъ хорошемъ голосѣ, имѣть успѣхъ; но тутъ ему не повезло; греческій костюмъ, съ обнаженными руками до плечъ, ноги въ сандаліяхъ, неизвѣстно почему, не понравились; его первое появленіе вызвало гомерическій смѣхъ. Опишу здѣсь одну сцену, чтобы дать понятіе о мѣстныхъ нравахъ. — Андреевъ пѣлъ арію при взрывахъ неистоваго свиста: южная, необузданная молодежь, приученная къ звѣрскимъ зрѣлищамъ боя быковъ, приходитъ въ театръ, какъ и въ циркъ, съ большими свистками изъ чернаго дерева; эта принадлежность театра никогда не оставляется дома—авось пригодится.—Одновременно съ свисткомъ особенной силы, похожѣмъ на тѣ свистки, которые приходится слышать на пароходахъ, когда выпускается лишній паръ—одновременно полетѣли со всѣхъ сторонъ театра—свертки съ мукой, углемъ и крупой. Бѣдный Андреевъ былъ буквально покрытъ ими; свертки не всѣ достигали цѣли; нѣкоторые изъ нихъ разрывались въ пути; особенно плохо приходилось музыкантамъ оркестра, которые получали ихъ на головы, инструменты и пюпитры. Андреевъ вынесъ это испытаніе съ большимъ достоинствомъ и спокойствіемъ. Окружающіе говорили, что ежели бы у него хватило смѣлости, и онъ бы пѣлъ арію какъ онъ могъ спѣть, свистки смѣнились бы оваціей; но у него не доставало мужества; голосъ его дрожалъ и плохо звучалъ.—Было дано три представленія Саффо; каждый разъ, тѣ же сцены возобновлялись съ одинаковой энергіей.—Послѣ Андре-

евъ съ своей женой былъ приглашенъ гастролировать въ Москву. — Жена его была хорошая пѣвица; выступили они въ Сонамбулъ и оба имѣли хорошій, заслуженный успѣхъ. — Не хочу забыть одного инцидента: въ оперѣ Саффо требуется теноръ для исполненія незначительной партіи; затруднялись, кому бы дать эту маленькую роль. Хормейстеръ предложилъ юношу, у котораго оказался хорошій голосъ; это былъ знаменитый впослѣдствіи пѣвецъ „Марини“; онъ былъ вторыхъ мужемъ г-жи Вольпини. Встрѣтились мы нѣсколько времени спустя въ Москвѣ; онъ самъ напомнилъ мнѣ, гдѣ мы видѣлись въ первый разъ. — Ко второму представленію пріѣхалъ мой мужъ, успѣхъ продолжался одинаковымъ. Затѣмъ были присланы извѣщенія о репетиціи „Трубадура“. Наканунѣ, вечеромъ, выходя изъ цирка, гдѣ шелъ большой бой быковъ, мой мужъ разиѣнялъ билетъ въ 25 реалей, но получилъ звонкой монетой только 14. Ночью на 22-е іюня, мы были разбужены пушечными выстрѣлами. Вспыхнула революція. Возстаніе началось въ артиллерійской казармѣ, находившейся на дворцовой площади, напротивъ королевскаго дворца. Сержанты направляли выстрѣлы на улицу Солнца, въ концѣ которой находится площадь того же названія. — Тѣмъ временемъ, правительственная войска, подъ командою генерала Прима, окружили городъ. Казарма была осаждена. Въ этой части войска простыхъ солдатъ не было, а потому революція эта называлась: „la revolution des sergens“. Это былъ какъ бы цвѣтъ арміи, все молодежь, между которыми старше 25 лѣтъ не было. — Рѣшили защищаться до крайности. Всѣ офицеры были убиты; всѣ помѣщенія брались отдѣльно, къ утру казарма представляла зданіе совершенно сквозное, безъ оконъ и дверей. Всѣ осажденные были или убиты, или арестованы. Первый разъ съ пріѣзда, этой ночью, выпалъ обильный дождь, который въ нѣкоторой степени смылъ потоки крови. — Всѣ дома улицы Солнца были испещрены слѣдами выстрѣловъ, нѣкоторые сильно повреждены. Мы жили на улицѣ параллельной улицѣ Солнца, рядомъ съ почтамтомъ, который, какъ впослѣдствіи оказалось, былъ цѣлюю повстанцевъ. Былъ слышенъ трескъ скатывавшихся по крышамъ гранатъ. — Жившій рядомъ съ нашимъ домомъ господинъ былъ убитъ мирно сидящимъ на своемъ диванѣ. — На улицу выходить было строго запрещено. Питались 34 часа однимъ шоколадомъ. — Андрееву наскучило оставаться такъ долго въ одиночествѣ, и онъ попытался выйти; часовой, стоявшій съ ружьемъ въ рукахъ, прицѣлился и спросилъ: „quiere ueste morir“: „Вы хотите умереть?“ — А баритонъ Стеллеръ отъ страха слегъ въ постель, сказавшись больнымъ. — Патрули верхомъ ѣздили день и ночь съ заряженными револьверами, съ взведенными курками.

Было приказано жечь свѣчи всю ночь на каждомъ окнѣ. Только 24-го мы вышли первый разъ на улицу. Городъ, несмотря на яркое солнце, имѣлъ мрачный видъ; дѣлались совершенно открыто во всѣхъ домахъ обыски; арестовывали всѣхъ, у кого находили оружіе.—Дамы въ глубокомъ траурѣ стояли группами на площади и плакали; вездѣ были видны слѣды, даже лужи застывшей крови. На другой день т. е. 25-го іюня 1866 г. начались казни осужденныхъ военнымъ судомъ, вели по партіямъ въ 18, 19 и 20 человѣкъ. Шель этотъ этотъ грустный кортежъ за городъ, по пути къ театру Россіи. Приставляли ихъ къ глухой стѣнѣ и разстрѣливали по очереди; они падали ницъ, въ заранѣе вырытую передъ ними канаву; нѣкоторые были убиты сразу, другіе обнаруживали признаки жизни и тогда ихъ добивали револьверами, приставленными къ вискамъ.

Надо было думать объ отъѣздѣ. Надежды на продолженіе опернаго сезона не было, а г. Ровира, антрепренеръ, воспользовавшись событіями, никому не заплатилъ и безслѣдно пропалъ.—Сообщеніе по желѣзнымъ дорогамъ было прервано, телеграфъ не работалъ; мы остались цѣлую недѣлю въ смертномъ городѣ; было разстрѣлено 150 человѣкъ. — Когда брались билеты у кассы на вокзалъ, всѣ деньги золотой монетой, при сдачѣ, оказались фальшивыми. Вниманіе Европы было поглощено шумными побѣдами Германіи, а битвы подъ Садовой заглушали испанскія пушки. Революція эта жестокая, кровавая, прошла незамѣтной, а въ Испаніи, однако, совершались событія первой важности; вся страна изнемогала, королева бѣжала, и тогда началась серія возстаній, которыя такъ долго терзали Испанію.

Изъ Мадрида поѣхали отдохнуть въ излюбленный нами Висбаденъ, гдѣ я къ своему удивленію узнала, что режиссеръ Ковентъ Гарденскаго театра пріѣзжалъ, чтобы видѣть меня и уговорить вернуться въ Лондонъ, къ сезону 1867 года. По разнымъ причинамъ я согласиться на это не могла. Мы торопились въ Москву, гдѣ сезонъ начинался неизмѣнно оперой „Жизнь за Царя“, 26-го августа, день коронаціи Императора Александра II. — Не скрою, что мнѣ страшно было жаль расставаться съ итальянской оперой, на этотъ разъ навсегда, но немыслимо было продолжать ѣздить лѣтомъ по Европѣ, съ больнымъ мужемъ и безъ отдыха начинать оперный сезонъ въ Москвѣ.

Въ Москвѣ, исключая радости свиданія съ сыномъ и чувства нѣкотораго успокоенія, какъ бы у тихой пристани, послѣ года страшныхъ волненій и тревогъ, ожидало насъ не мало огорченій. Стало извѣстно, что необходимыхъ артистовъ не пригласили; драматическаго тенора, колоратурнаго сопрано и баритона по-прежнему

не доставало; новыхъ оперъ ставить не намѣревались. Нельзя было предполагать, что послѣ безчисленныхъ представлений оперы „Жизнь за Царя“ въ прошломъ сезонѣ, эта опера будетъ давать и теперь полные сборы и что успѣхъ будетъ такимъ же. 26-го августа день коронаціи и 30-го день тезоименитства Царя дали оп. „Жизнь за Царя“ — оба спектакля дали полные сборы; успѣхъ получился колоссальный. Меня утѣшали тѣмъ, что безотлагательно приступятъ къ репетиціямъ „Русалки“, и что Дорогомыжскій изъявилъ желаніе дирижировать оркестромъ лично, что дастъ представленію особый блескъ, — но „Русалка“ шла очень часто у нѣмцевъ, и театръ постоянно пустовалъ.

Къ первой репетиціи „Русалки“ пріѣхалъ авторъ. Я хорошо его знала, и встрѣча наша была чрезвычайно сердечная; онъ привѣтствовалъ меня слѣдующими словами: „дожилъ, дожилъ, Ирина Ивановна, вы будете моей княгиней!!“—Репетиціи „Русалки“ были очень продолжительныя: часто мы задерживались на сценѣ до 5-ти часовъ.

И. Онноре.

(Продолженіе слѣдуетъ).

